

Приложение 2

ВОСПОМИНАНИЯ О БРАТЕ А. А. ГАНИНЕ

(Л. 1). Алексей Алексеевич Ганин родился 11 августа 1893 года в деревне Коншино Архангельской волости Вологодской губернии в семье крестьянина. (До революции хозяйство отца было ниже средняцкого, а после передела земли по едокам – средняцкое).

Наша деревня Коншино находилась в стороне от проезжих дорог, лишь изредка в сухую погоду летом и зимнюю хорошую дорогу проходили пешеходы из деревни Хаймилово и Алексейцево через нашу деревню в село Архангельское, а на лошади к нам в деревню заезжали с глиняной посудой, с деревянной и если кому-то надо было по делам в нашу деревню.

(Л. 1 об.). В деревне всегда было чисто, сухо, заулки были покрыты мягкой зеленой травкой, точно бархатным ковром. Почти каждую субботу девочки мели улицу около своих домов. Даже песню пели:

Завтра праздник воскресенье

Надо улицу мести,

Почему не ходит дрова?

Надо ленту завести (видимо в косу – М. К.)

Девочки подражали взрослым и пели те же песни.

Деревня наша стояла на холме и возвышалась над всеми окружающими деревнями, ее было видно издалека. Домов в деревне было 18, дома расположены были в два ряда. По основному ряду было 14 домов, (Л. 2) окнами эти дома выходили на улицу и четыре дома стояли дворами на улице, а окнами на южную сторону. Домов богатых в деревне не было, были домики небольшие, одноэтажные, но хорошие. Один дом дяди Николая был двухэтажный. Очень бедных домов тоже не было. Были бедней других дома Вьюшиной Юлии – вдовы, и Шарাপовой Парасковьи Михайловны – тоже вдовы, которая имела 6 человек детей, а Вьюшина имела 2-х человек детей.

Богатых мужиков в нашей деревне не было и нищих не было. Через улицу, прямо каждого дома были небольшие садики, в которых росли: черемухи, яблони, рябины, кусты смородины, крыжовника, а за дворами расположились огороды, где грядки засаживались (Л. 2 об.) овощами. Около домов у крыльца у нескольких домов росли березы.

При въезде в деревню от Кузьминского налево от отвода аккуратно сложен под крышей пожарный инвентарь, рядом стоял столб, на котором прибита красивой формы выкрашенная белыми и на которой черной краской четко, красиво написано крупными буквами:

*«Деревня Коншино,
дворов – 19, десятин – 29,
душ – 96».*

Эту доску любовно сделал А<лексей> Ганин перед уходом в армию осенью в 1914 г<ода>. Доска стояла до конца существования деревни.

Коншинские очень любили свою деревню и даже кем-то были сложены песни, которые с гордостью пели, особенно девочки.

(Л. 3). *Коншино нашу деревню
Городом можно назвать,
Кто проедет, да пахает,
Тому голову назад.*

* * *

*Коншино наша деревня
Ровно городочек,
У одного у паренька
Отшитый вороточек.*

Кому посвящена эта песня? Неизвестно, но помню у Вьюшина Н<иколая> Н<иколаевича> у молодого была вышита рубашка, возможно, и ему посвящена песня.

Народ в деревне в большинстве был спокойный, дружный. Очень редко ссорились, на улице не было громких ссор, как это иногда слышался крик и шум из соседних деревень, а драк вообще никогда не было.

Шум и недовольство было со сторо[ны] (**Л. 3 об.**) некоторых лишь только, когда шел передел земли по едокам, т<ак> к<ак> недовольны были от кого отрезали землю, и когда в 1918 г<оду> слышен шум был, когда в деревне делили хлеб, или другие продукты и товары, в остальное время не было никаких скандалов.

Мужчин из нашей деревни никогда не видели пьяных – ни парней, ни женатых. Не только в обычное время, но и в праздники. Мужчины в праздники выходили всегда на улицу, чтобы следить за порядком. Чаще всего они собирались на середине деревни на скамейке около дома Брызгалова Алексея Матвеевича, а зимой они собирались в избе у него – играли в карты, или просто разговаривали.

По своему характеру мужчины были спокойные, тихие и даже (**Л. 4**) большинство из них не курили.

Молодежь любила собираться около дома Вьюшина Н<иколая> Н<иколаевича> на лужайке и на бревнах перед домом Костылевой М<арии> М<ихайловны>. На троицкой неделе перед окнами Вьюшина делали качели круглый год. Кроме того, молодежь гуляла в поле под Кузьминским на косогоре, где был и Есенин, приезжая в Коншино в 1917 году. Однако летом любимым местом для гуляний было местечко под Иванковым, так называемом «на мостках». Как только растает снег, то сразу же молодежь отправлялась «на мостки».

И даже песню пели:

*Скоро, скоро снег растает
На мостки гулять пойдем,
Которы отданы подарочки
Опять назад возьмем.*

(Л. 4 об.). Молодежь у нас в деревне была довольно культурная, парни высокие, стройные, довольно симпатичные и пользовались авторитетом у девушек.

Девушки наши одевались не богато, но изящно, со вкусом, красиво, многие сами шили одежду.

В основном крестьяне были хлеборобы, люди трудолюбивые и жили по-среднему, у кого было мало земли были мастеровыми: печники (4 чел<овека> – братья Ганины), плотники (братья Шараровы), а другие занимались исключительно земледелием.

В деревне не было насмешливых прозвищ, называли всех по имени без отчества и по фамилии, или же по имени хозяина, или хозяйки. Например, Митревы (в честь Дмитрия), Матвеевы (в честь Матвея), Феклистины, Таисины Манефины (Л. 5) по бабушкам. Нас звали Плины, т<ак> к<ак> маму звали Евлампия (ласкательно Пия). Ребят дяди Асикрита – звали Сетковы (т<ак> к<ак> д<ядю> Асикрита называли Сетко). По фамилии называли Дугановых, Вьюшиных и Ганиных (дяди Николая детей).

Наш дом старый, в котором родился Алексей, был маленький в 3 окна, окна выходили на улицу. Новый дом (я помню, как его сделали) стоял окнами «на полдень», двором – к улице, около дома у крыльца росли 2 высокие березы. За двором – выходил на улицу маленький садик, где росли две яблони, большая черемуха, куст можжевельника и куст смородины. Садик – обнесен изгородью. Рядом с садиком, за двором, у самой улицы, был глубокий колодец с вкусной, чистой водой, которой пользовались многие люди из деревни. (Л. 5 об.). Перед окнами дома был огорожен досчатой изгородью (как называли палисад) участок, где садили овощи: сахарный горох, брюкву, морковь, огурцы и др<угие>.

В правом углу от дома, около крыльца за палисадником, росли высокие, развесистые ивы (две), на которых братья сделали беседку из широких толстых досок и забирались туда летом. Рядом росла березка и ель, около ели, верней почти под елью, стояло точило и станок, где отец точил косы. Вдоль забора от ив к полю росли кусты смородины и малины. С левой стороны перед грядками рос-

ла красивая развесистая черемуха. Около черемухи — большой куст смородины, перед окнами братья сделали клумбы, где сеяли цветы. Возле грядок был небольшой погреб. За двором через улицу (**Л. 6.**) был еще огород, где на нескольких грядках (кажется их было четыре) выращивали капусту. Перед грядками через межу в том же огороде росли 13 яблоней, на них были вкусные яблоки. Этот огород был загорожен обыкновенной изгородью из частокола. За овощами ухаживала любовно вся наша семья, особенно с интересом мы поливали. Огурцы же закрывали вечером мхом и соломенным ковриком (когда холодно), а утром открывали. Это было довольно канителью, но и интересно. Конечно доставалось это больше всех нашей маме, но она была довольна, у нас ежегодно было много огурцов и ели мы [их] свежими и солеными, сколько хотели.

Наш дом был большой <...>, (**Л. 6 об.**) но он был красивый, опущенный, с мезонином, а из мезонина — выход на балкон. В мезонине были два небольших окна по бокам, а на середине — стеклянная дверь (сверху стекло, а дальше деревянная, столярной работы.)

Сбоку, справа, к дому приделано досчатое крыльцо (оно больше половины расположено в огороде за палисадом), из крыльца выход на веранду (дверь была обыкновенная, из досок). Братья вместе с отцом покрасили домик желтой краской. Младший брат Федя выпилил красивые узоры на балконе и на веранде. Вокруг окон сделаны красивые наличники и покрашены белой краской (окон наш дом имел 10: 4 — передние и по 3 окна — по бокам).

Точно кружевом обшито было под крышей узорчатой полосой вокруг (**Л. 7**) фронтона, и по карнизу тоже была полоса красиво сделанная, все это придавало красивый вид дому. Крыша была железная и покрашена зеленой краской (поздней зеленой краски не было и покрасили красной).

Снаружи домик был довольно красивый. Внутри просто, изба была разделена заборками на 4 части. Передняя часть была значительно больше и разделена на 2 комнаты. Одна комната большая, и чуть меньше другая, в обеих комнатах передних было по 2 окна и

с боков по два. В большой комнате от стены были сделаны лавки по всей комнате, в переднем углу стоял большой стол и больше никакой мебели не было. В маленькой комнате на середине стоял столик, венские стулья (6 штук), (Л. 7 об.) в левом углу полочки и скамеечка с цветами (цветов было много). По заборке от кухни — кровать.

Небольшая была прихожая, где в левом углу висел умывальник, а справа у окна обыкновенная скамья, на задней стене — вешалка для одежды. Из прихожей — вход в кухню. Большая, изящно сделанная, отцом русская печь выходила в прихожую (задняя стенка) и боковая стена в обе половины, большая часть была в кухне. Три стенки у печи были почти что до потолка и они очень с красивыми карнизами. Стены в избе были бревенчатые, правда, вытесанные и выглядели красиво, пол крашенный желтой краской. Отец мечтал в избе оштукатурить, оклеить, но так ему и не удалось осуществить эту мечту. С такой большой семьей все же не хватало средств. Братья сначала (Л. 8) учились, в 18-м году оба ушли на фронт, Алеша еще служил в армии с 14-го года.

Наша семья состояла из 9 человек (отец, мать, 5 дочерей и 2 сына). Иногда подшучивали знакомые над отцом: «*Степаныч, у тебя кругленькая семейка-то*». Да, действительно, кругленькая. Раньше была пословица: «*Семеро ребят, так и бафина съедят*». А отец был всего лишь печник. Досталось ему.

Старшая сестра Шура была на 1/2 года старше Алеши, они были очень дружны с детских лет и до последних дней жизни Алеши, он ее всегда звал — Шурочка. Ели они всегда из одной чашки, за столом сидели рядом. Если один из них провинился и ругали дома, то они оба плакали вместе, хотя другого не ругали. Один раз был забавный случай, рассказывала мама: Алеша и Шура в детстве ели гороховый суп, он им так понравился, что попросили прибавки. Папа сказал: «*Не съедите, за ворот вылью*». Они отвечают: «*Съедем, съедем*». Ели, ели и оба заревели, есть-то не хотят, а признаться боятся. Было у нас принято, «*что налита, надо съесть, не хочешь, не проси*».

Маленький Алеша очень любил парное молоко. Мама рассказывала, что когда она доила корову, то они с котом рядом сидели на лесенке во двор, Алеша сидел с чашечкой в руке, а кот тоже возле своей чашки, в первую очередь им наливалось молоко. Над ним дома подсмеивались, что пил парное молочко и стал полным и белым.

(Л. 9). Рос Алеша крепким, здоровым мальчиком и сильным, с ним ребята боялись ввязываться в драку.

Наш отец учил его: *«Ты первый не начинай драку, а нападут, то дай сдачи так, чтобы больше не захотели нападать»*. Алексей так и поступал, поэтому на него редко нападали, кому же хочется быть битым? Тогда ребята нашли случай, оклеветали Алешу, чтобы дома попало. Когда Алеша учился во II-м классе, ему сшили зимнее пальто (вместо ваты на куделе, длинное с запасом), тяжелое, ведь каждый год новые вещи родители не могли покупать, Алеша пришел домой поздней других, а мальчишки передали, что его оставили после уроков. Только зашел в избу и (Л. 9 об.) мама его напорола вещей, не узнав в чем дело. Всю жизнь потом жалела, а мальчишки остались довольны.

В школу Алеша пошел восьми лет, в 1901 году, в Мочаловское земское училище, которое окончил успешно. За отличные успехи и примерное поведение был награжден Евангелием (тогда это была лучшая награда). Затем Алеша учился в Устье-Кубенском в двухклассном училище. Это далеко от нашей деревни и Алеша редко ходил домой. Провожала его сестра Шура и всегда со слезами, с грустью. Они же были так дружны и вдруг наступила разлука — и тому и другому жаль расставаться. Шура иногда ходила в Устье, когда долго не приходил Алеша и носила ему пирогов и др<угих> продуктов. Мамины (Л. 10) пироги Алеша очень любил и в детстве и когда был взрослым.

Один раз в Устье в городском училище священник здорово набил мальчика по голове, мальчик заболел и умер. На похоронах Алеша прочел свое стихотворение, посвященное мальчику, и его едва не исключили, спасся тем, что хорошо учился. С детства Але-

ша рос любознательным мальчиком. Очень любил слушать сказки, которые рассказывала бабушка Феоклиста Дмитриевна (мамина мать), а она много знала сказок. Отец рассказывал много разных жизненных историй, он работал на заводе и много слышал серьезных и шуточных историй, и дома рассказывал. Много рассказывал былин, сказок и бывальщин дедушка (**Л. 10 об.**) Дуганов (он часто ходил к нам) и Алеша с большим увлечением слушал. Стихи писать он начал рано, но, к сожалению, они не сохранились.

Когда научился читать Алеша, очень много читал, часто читал интересные стихи и рассказы вслух, особенно вечерами, когда взрослые что-то делали. Любила слушать его мама. Много стихов Алеша заучивал наизусть и, расхаживая по избе, читал их громко. Любил Алеша слушать песни народные, которые хорошо пела наша мать.

После окончания городского училища Алеша какой-то период работал с отцом на Беляевском заводе, помогал подносить глину, кирпичи, песок и учился делать печи.

Наш отец был печник, долго (**Л. 11**) работал на Беляевском заводе, а потом ходил работать по деревням.

Надо сказать, что отец был хороший мастер, делал печи крепко и красиво, иногда люди ждали долго, чтобы он сделал. Отец был вынужден находиться на заработках почти круглый год, т<ак> к<ак> земли имел всего 3/4 надела, а семью в 9 человек [нужно было кормить]. Своего хлеба у нас хватало только до Михайлова дня (21 ноября), остальную часть года приходилось покупать хлеб. В самый сенокос отец находился дома и в большие морозы зимой.

Дома с хозяйством управлялась мать и старшая сестра, особенно доставалось Шуре, ну и Августа помогала уже. Шура летом ходила «в люди» косить, жать, молотить, трепать и мять лен.

(**Л. 11 об.**) С таким маленьким земельным участком семья быстро справлялась. Отец спашет весной, посеет свой маленький клочек земли и опять уходит в «работу» до сенокоса, от сенокоса до осенней вспашки, в наиболее свободные от сельхозработ уходил класть печи (т<о> е<сть> делать печи).

Алеша рано испытал нужду и с раннего возраста начал помогать семье. Зимой, приходя из школы, вечерами часто плел корзины с сестрами и мамой, говорят, что он хорошо плел. Летом работал в поле и на огороде, а позднее начал помогать отцу делать печи. В более позднее время с Федей — младшим братом — делали кирпич, и мы, маленькие, помогали мять глину в яме. Делали кирпич очень быстро и хорошо, а потом продавали кому надо делать печи.

(Л. 12). Однако отцу не хотелось, чтобы сын всю жизнь мучился с глиной, как он сам, а ведь 3/4 земли надо делить на 2-х сыновей (как было раньше), чтобы им досталось? Вот отец и решил отдать Алешу в городское училище, но окончив его, мальчику 13 лет из деревни, было трудно куда-то поступить учиться дальше и Алеша стал работать на заводе с отцом. Два года работал с отцом, а потом работал у какого-то купца. Сначала — мальчиком, а потом — приказчиком. Купец был доволен Алешей, т<ак> к<ак> он быстро считал, был проворный, добросовестный. Когда в субботу шел домой Алеша, то ему купец всегда давал гостинцы, которые он приносил домой и с гордостью раздавал всем, ведь это он (Л. 12 об.) заработал. Однако эта работа не удовлетворяла Алешу, да и отцу была не по душе, Алеше хотелось учиться, он тянулся к знаниям. Он был сильный, смелый, развитый хорошо, рисовал и лепил из глины разные фигурки, начинал писать стихи, много читал.

В 1911 г<оду> летом Алеша пошел в село Архангельское к священнику Авельяну за «метриками», а тот ему в ответ: «Куда тебе от печника, да метишь в ученые». Алеша смело отвечает: «Ничего, батюшка, ведь и от профессоров, да от попов бывают пастухи». Возмутился священник, но метрики все же дал.

В воскресенье, увидев в церкви отца, священник говорит: «Ну, Степаныч, башковитый у тебя парень, далеко (Л. 13) пойдет». Священник знал Алешу в земском училище, т<ак> к<ак> он преподавал там Закон Божий и, кроме того, Алеша пел на клиросе (раньше учеников обязывали петь на клиросе, у кого священник, или дьякон, определяли хороший голос), а у Алешки был хороший голос, в более позднее время он уже не пел на клиросе.

Осенью в 1911 году Алексей поступает в Вологде в фельдшерско-акушерскую школу, как наиболее доступную для крестьян средняков и окончил ее весной в 1914 году, а осенью того же года был призван в армию. В зимние каникулы и летом в годы учебы Алеша приезжал домой часто с друзьями. Наши родители были очень гостеприимные и охотно принимали товарищей сына.

(Л. 13 об.). Приезжая домой летом, Алеша сразу включался в домашние дела вместе со всеми членами семьи, а вечерами читал книги, писал стихи.

В 1914 г<оду> летом замещал в селе фельдшера Леушина Константина Васильевича, кажется месяц, а может и два, я уже забыла. Больные очень полюбили его, т<ак> к<ак> он был чутким, отзывчивым и вежливым, внимательным, хорошо знал свое дело.

В это лето 1914 года и в более поздние годы, когда он был дома, его часто вызывали к больным в свою и ближайшие деревни. Он шел по вызову и без вызова, если знал, что кто-то болеет и днем и ночью. Константин Васильевич Леушин — наш фельдшер — всегда был Алеше благодарен, что он помогал ему ле**(Л. 14)**чить больных. Тогда ведь был один фельдшер на большую округу деревень. Перед уходом в армию Алеша замещал фельдшера, как я уже указала, а остальное время работал в хозяйстве, активно помогая семье. Вечерами много читал, писал стихи, по гуляньям не ходил, но осенью перед уходом в армию, в деревнях рекрута последние 2–3 недели гуляли, разъезжая на лошадях с колокольцами. Алексей, шутя, тогда говорил: *«Уж раз я рекрут, то и мне положено гулянуть»*. Изредка тоже с ребятами ездил по деревням, по посиделкам. На посиделках брал играть в кадрили ту девушку, которую меньше брали играть другие ребята. А дома сестры над ним смеялись: *«Ну, уж и играл с кем, ее никто и не берет, кроме тебя»*. Алеша смеялся: *«Мне все рано с кем играть, а она пусть порадуется, все же с фельдшером играла»*.

Вечерами сестры и мама плели косынки, Алеша очень любил слушать, как сестры пели частушки под звон коклюшек и сам иног-

да садился за чей-либо кутуз, и пел частушки, растягивая слова и выходило очень забавно.

*Рекрута, вы рекрута,
Вам дорожка не туда,
Дорожка косогорчиком –
Кататься с колокольчиком.*

Иногда приводил парней-рекрутов в гости, приходили девушки, да свои две сестры Шура и Августа, и устраивали посиденку.

(Л. 15). Мама сидит, смотрит на него и со слезами говорит: «Не могу насмотреться на тебя Алешенька, ты так мало бываешь дома. Вот в праздники всегда сижу под окном и плачу, все ребята гуляют, а моего и нет».

Алеша обнимет маму (он ее очень любил и был ласков к ней) и говорит: «А ты бы, родная моя, радовалась, да приговаривала, все-то дураки скачут, а моего хоть дурака и нет. Ты думаешь я бы лучше был погорелаян?». (Раньше в течение ряда лет погореловские ребята отличались своим ухарством, и в нашей деревне всегда не с охотой принимали погореловских ребят, они это понимали и в нашу деревню ходили редко).

(Л. 15 об.). В армии А<лексей> А<лексеевич> Ганин служил в Николаевском госпитале в Петрограде в должности младшего фельдшера. В 1915 году был переведен в авиационный полк, а в конце 1916 г<ода> по болезни был демобилизован из армии. После выздоровления работал в Петрограде фельдшером, где именно? Не помню.

За годы службы в армии 1914–1916 г<одах> Ганин подружился с Есениным, который работал в том же госпитале санитаром. Видимо их сблизило то, что оба писали стихи.

Летом в 1917 году Ганин и Есенин приезжали дважды в Вологду, а в конце августа, или начале сентября, Есенин вместе с З<инаидой> Райх приезжали в Коншино. Я в это время была в Вологде, готовилась (Л. 16) поступать в гимназию по инициативе брата.

Алеша очень хотел, чтобы я училась и взял меня на свое обеспечение, т<ак> к<ак> надо было платить за обучение да и обувь, одеть надо, отец был не в состоянии. По настоянию Алексея и младший брат Федя в 1916 г<оду> поступил учиться в Тотемскую учительскую семинарию. В отношении Феде и отец не возражал, т<ак> к<ак> боялся сыновей оставить в деревне на маленьком клочке земли на мучительную жизнь, которую он сам испытывал, благо у ребят было желание и способности к учению.

В Вологде Алексей с Есениным заходили ко мне на квартиру, где я жила у Рядовиковой Е<вдокии> И<вановны> на Малой Богословской в доме Попова-Лобачова, (Л. 16 об.) и я с ними ходила обедать в ресторан. В ресторане я смотрела по сторонам, меня удивляли люстры, посуда, картины и все, что там было. Алеша же о чем-то разговаривал с Есениным и изредка мне подсказывал, как правильно держать ложку, как есть. Их разговор меня не интересовал, ведь я из деревни, девочка 10 лет, да и Есенин тогда был ничем не примечательным и неизвестен.

Из Коншино они, очевидно, поехали на Соловки через Морженьгу, т<ак> к<ак> на лошади от нас наиболее удобно ехать на Морженьгу.

Здесь в Архангельске старый краевед говорил, что Есенина и еще двоих видел кто-то на бульваре, но он ни с кем не встречался здесь.

(Л. 17). Сестра Лена говорит, что Есенин и З<инаиды> Райх и Алеша ходили гулять на косогоры под Кузьминское, и она с ними ходила. В тот год поле это было ржаное, а брат очень любил ржаное поле с его васильками. Гуляли они и в деревне. Лена помнит как Райх и Федя плясали. Младший брат Федя хорошо плясал, играл на балалайке, на гитаре и гармошке, которую ему подарил Сергей Есенин в 1916 [или] 1917 г<оду>, когда Федя приезжал в Петроград.

В 1918 году оба брата уходят добровольцами на гражданскую войну. Федор – на фронт по борьбе с Колчаком, а Алексей – на Северный фронт и служил в Красноборском госпитале фельдшером, где написал стих<отворение> «Братья плотнее (Л. 17 об.)

смыкайте ряды» и стих<отворение>, неизвестно кому посвященное, «Пришло неожиданно уронило...».

В 1919 г<оду> Ганин работает в Карпогорском [Каргопольском —?] военном лазарете. Вместе с ним работал в госпитале доктор Фалин Александр Владимирович, который в своем письме хорошо отозвался о Ганине А<лексее> А<лексеевиче>.

Пишет доктор Фалин А<лександр> Влад<имирович>:

«Военный фельдшер Ганин А<лексей> А<лексеевич> проявил себя хорошим помощником врачей, инициативным и энергичным работником. Ганин безукоризненно выполнял свои обязанности во время операций. Нередко самостоятельно решал много разных задач. Налаживал санитарный транспорт, эвакуировал раненых и больных, следил за бесперебойным (Л. 18) снабжением медикаментами и перевязочными материалами своего госпиталя и ближайших военных частей. Наблюдал за питательно-согревательными пунктами, которые он же и организовывал. Был требователен к себе и подчиненным. За нерадивость строго взыскивал. Сам работал, не считаясь со временем. Он занимался даже заготовкой топлива. Работал с присущей ему настойчивостью».

Трудолюбив был брат с детства, не боялся никаких ни черных работ, ни трудных. Это трудолюбие Алеша унаследовал от своих родителей, рос в большой семье и самому приходилось рано помогать семье зарабатывать деньги.

(Л. 18 об.). *«Хороший организатор здравоохранения, — пишет доктор Фалин, — в полевых условиях, а поэтому пользовался у товарищей заслуженным авторитетом и уважением. Среди своих коллег он выделялся общим образованием, широтой взглядов. В свободное время (редкое довольно) он что-то писал в своей самодельной тетради, хорошо рисовал, иногда читал вслух стихи».*

«Ганин — поэт, — продолжает д<октор> Фалин, — прекрасной души человек, внес немалый вклад в общее дело борьбы за Советскую власть на Севере против интервентов и белогвардейцев. К людям Ганин был отзывчив, добрый, кроме работы в госпитале иногда ходил лечить гражданских в ближайших деревнях. Ему тогда (Л. 19) шел 25-й год. В 1918 г<оду> он написал и поэму «Памяти деда»».

В июне 1918 года Алеша приезжал, видимо, в Вологду по делам и заехал к сестре Августе в дер<евню> Медведево. Пришел вечером поздно с поезда, и, не желая беспокоить хозяев, лег спать в телегу, которая стояла у крыльца. Утром, обнаружив в телеге гостя, все были безгранично обрадованы, но сожалели, что спал на улице. Утром у Августы собралось много гостей по случаю праздника в деревне, Алеша с гостями сфотографировался и на следующий день праздника уехал обратно.

В 1919 г<оду>, в конце, брат женился. В 1920-м году А<лексей> Ганин работает в г<ороде> Вологде в Культпросвете 6-й армии. [В] 1921–23 [годах] учился в пединституте (**Л. 19 об.**) в Вологде на литературном отделении. В то же время сотрудничал в журнале «Кооперация Севера». Федор тоже учился в пединституте вместе с Алешей. Алексей жил тогда на ул<ице> Урицкого в доме Ломакина, имел небольшую комнату, а Федя – жил в общежитии. С осени 1920 г<ода> до нового года 1921 я гостила у Алеши (он был уже женатый). Я была удивлена, как Алеша успевал и учиться, и работать, и дома много делал, помогал жене – Гале. Долго сидел вечерами читал, писал. Часто к нему приходил А<лексей> П<петрович> Германов, они долго сидели и разговаривали тихо, а мы с Галей – спали.

1920-й год был тяжелый, плохо было с питанием, нам в Вологду привозил отец продукты, т<ак> к<ак> его два брата уехали с семьями в Сибирь, и отец купил у них посев (**Л. 20**) ржи, а летом на их земле сеял яровое, садил овощи, поэтому мы уже были сыты продуктами со своей земли.

Когда у них было плохо с питанием Алеша говорил жене: «*Пой, Галюшка*». [И она пела]:

*Нет ни сахару, ни чаю
Нет ни хлеба ни вина.
Вот теперь я понимаю,
Что писателя жена.*

А сам пел и приплясывал. Алеша никогда не унывал, любил шутить, но в то же время был серьезен <...>.

Летом 1920–23 года Алексей всегда выезжал в деревню. Летом 20-го года – вместе с женой, а в 1921 г<оду> у них родилась дочь Валентина <...>. В 1923 г<оду> зимой родился сын Саша и Алексей со всей семьей лето жил дома до самой осени.

(Л. 20 об.). Летом в 1923 г<оду> свирепствовала в деревнях дизентерия, он ходил лечил детей в своей и соседней деревнях. Саша умер шести месяцев и Алеша очень переживал смерть сына.

К этому времени у нас было много земли, стало много хлеба, у нас уже была лошадь и 2 коровы, отец не ходил на заработки летом, да и зимой редко ходил, т<ак> к<ак> много дела было и дома, с хозяйством. Вся семья любовно с усердием работала на земле, семья стала сыта своими продуктами. А как радовался бывало отец, не выразить словами его радость. Первое время ежедневно ходил он в поле смотреть всходы, придет и говорит: *«Хорошие всходы, мати»*. Так был рад земле, что от радости **(Л. 21)** со слезами целовал землю и не верилось ему, что это его земля, о которой мечтала вся семья долгие годы, и завидовали тем, кто ее имел. Сбылась вековая мечта!

Подошла осень, зашумела высокая рожь. Мама и сестры с радостью жали, не зная усталости, и не верилось им, что жнут не на чужой земле, а на своей. А то, еще когда учился Алеша и приезжал домой летом, долго вечерами сидел с отцом и матерью, утешал их, что наступит такое время, когда отец получит землю, купит лошадь, будет пахать широкие полосы, а мы с Федей будем косить широкие постати: *«Ох и размахнемся же мы во все плечи, **(Л. 21 об.)** нарастет хлеба, купим еще корову, гусей, кур, мы будем днем работать по латам, а вечером писать»*.

И вот сбылась их мечта, жаль, очень жаль, что на широких просторах Алеше мало пришлось косить. Братья охотно трудились, они умели и косить, и пахать, и выполнять все сельхозработы.

Алеша очень любил сенокосную пору и сенокосу посвятил свое стих<отворение> *«Покос»*.

Однажды братья и сестры косили в маленьком лужке, а там много было кочек, Алеша искривил косу и решил исправить, воткнул в кочку и сломал. Отец почему-то не был на лугу. Идя домой, он пел песню на мотив былины на ходу ее со (Л. 22) ставляя:

*Не ругайся, мой батюшка,
Не сердися родименький.
Я косил траву шелковую
Искривил свою косоньку.
И хотел ее исправить
Да сломал свою острую.*

А Федя и сестры по дороге смеялись над Алешей: «Будет тебе сейчас от тяти». Наш отец был довольно строгий. Мы все его боялись, не смели ослушаться, но в то же время он был и очень добрый, любил всех детей. Когда приходил из работы по субботам или в воскресенье, (Л. 22 об.) приносил всегда гостинцы. Увидев его от покотины, мы гурьбой бежали его встречать (младшие) и бросались на шею. Нас было много, но отец всех детей любил, шутил, играл, рассказывал разные истории, смешные бывальщины, и мы все его очень любили.

Отец наш не курил и никогда не пил водку, был бережлив, каждую копейку сберегал. Ведь нас 7 человек — надо прокормить, одеть. Надо сказать, что мы были не богаты, но все же сносно одеты, обуты и сыты.

Мать и сестры весной до сельхозработ зимой, и, осень, плели косынки и продавали в селе. И мы, младшие, плели и помогали по дому, что могли. Всем было какое-либо дело, у нас не было пустых вечеров. Отец то (Л. 23) вил веревки, то пряд, то ушивал обувь, шил стельки, но что-то всегда делал, он даже вязал носки и рукавички. В молодости хорошо рисовал и мечтал стать живописцем, но не удалось в силу семейных обстоятельств. Учиться ему пришлось один год у какого-то дьячка.

Как интересно было вечерами, когда под звон коклюшек слышалось тихое пение частушек, которые пели сестры. Алеша тоже любил слушать частушки, а иногда их пел сам. Пел очень забавно:

*Ягодиночка – матрос,
Не проливай у девок слез,
У девок слезы зря прольешь –
На параходе уплывешь.*

Любил записывать частушки, которые он слышал вновь. **(Л. 23 об.)** Сестра Августа рассказывала, как они с Шурой летом на богомолье завивали волосы, а Алеша им поет:

*Сероглазая не вей
На головушке кудрей,
Из-за твоих кудречек
Гоняют с посиделочек.*

Или:

*Милка кудри завивает
Да и мне велит завить,
Как завью, так и не будет
Кудреватого любить.*

Вдруг ночью случилась гроза, все выбежали на улицу и кудри у девиц размочил дождь. Алеша подшучивал над ними: «*Как же вы без кудрей, и женихи теперь смотрят на вас не будут*».

(Л. 24). Я уже указывала, что Алексей будучи дома летами всегда активно участвовал во всех сельхозработах, а в дождливую погоду и вечерами уходил обычно в мезонин читать [и] писать. Он так увлекался своей работой, что не слышал, когда к нему обращались. Приходилось повторять несколько раз, особен-

но, когда звали ужинать. Потом, приходя, извинялся, что доставил говорить несколько раз.

У Алеши была большая библиотека, которую он считал своим богатством. В мезонине они с Федей сделали книжные полки от пола до потолка, там были произведения Шекспира, Некрасова, А<лексей> Толстого, Пушкина, Гоголя, В<иктора> Гюго, Баратынского, Бунина, **(Л. 24 об.)** Тургенева, Достоевского, Горького, Кольцова, Маяковского и много много других. Были книги и по философии. Было много рукописей, которые стопочками лежали на полу, сшитые, или скрепочками прикрепленные в пачки.

Сам он сделал столик-полку, на которой писал, а иногда писал сидя на сундуке, который стоял в мезонине.

Особенно в тихие летние вечера Алеша любил сидеть на балконе, откуда далеко была видна вся окрестность. Он всегда говорил с гордостью: *«Как красиво кругом!»*. Возможно здесь он и написал стих<отворение> *«Внимала мечтами дорога...»*, где есть слова:

*Сияют церковные крыши,
(Л. 25). Ясна тишина деревень,
Уснула и ласково дышит
Прохлада на красный плетень.*

Особенно любил работать ночами, когда никто ему не мешал мечтать.

Часто днем, в летние дни, забирался на развесистую иву, там читал, или пел песни, любимая его песня была это *«Вечерний звон»*. Иногда под ивами раскидывал одеяло на траву, приносил подушку, и, глядя в небо долго лежал молча.

Любимым местом его была и наша маленькая поскотина — *«Лисьи горки»*. Он долго бродил по поскотине собирая грибы, или просто гулял. Иногда садился на *«Ратов забор»* — это в конце поскотины при входе в Быховское поле — и **(Л. 25 об.)** там сидел. Любимым местом его был берег реки Бохтюги перед деревней Гоголицыно, там были наиболее глубокие два омута с темной

водой, точно огромная чаша, это в нескольких метрах от покосины, а за деревней Гоголицыно тоже расстилался лес. Место довольно красивое. Долго сидел Алеша на берегу реки, особенно на закате солнца и любовался красотой природы. Очевидно здесь он написал стих<отворение> *«Где лесная купели затоны...»*. Он очень любил свой родной северный край, его леса, луга, поля, деревни. В своих стихах он обоготворял родную природу и в них выразил свою любовь к ней. Например, *«К тебе пришел я, край родимый»*, *«Весна»* *«Осень»*.

(Л. 26). В своем романе *«Завтра»* в I-й части он описывает Кожлиньские покосы за болотом, ходьбу по болоту и Глушицу.

В поэме *«Деду Степану»* он описывает тяжелый труд крестьян до революции.

Отец, бывало, пробирал Алексея за то, что он писал. Отец, бывало, говорил: *«Бумагу мартать, деньги не заработаешь»*. Алеше очень много времени требовалось на домашние работы, на учение, а писал в свободное время, которого было так мало, и ночами, отрывая часы от сна.

Внимательным и чутким он был к своим родным и соседям, за что и любили его соседи.

Помню, когда Алексей приезжал домой, наш дом был полон радости и веселья. Мама начинала печь (Л. 26 об.) ежедневно что-то особенное, вкусное и все новое. Алеша садил нас с Леной по очереди на плечи и бегал по избе. Вечерами долго разговаривал с родителями. Особенно он любил маму, она была у нас ласковая. С фронта писал ей: *«Добрая мать, не грусти обо мне»*.

В избу всегда приходили соседи, когда появлялся Алеша дома. Ребятишки, девушки и женщины [приходили] посмотреть Алексея. Мужички — покурить городского табачку и узнать о жизни в городе о настоящей, о будущей.

Первыми гостями всегда были тетя Авдотья и дедушка Дуганов, ну, и, конечно, ребятишки. Удивительно, он умел находить разговор со всеми, и старыми, и малыми, и образованными людьми. Был находчив.

(Л. 27). В свободные минуты играл в городки с ребятами (они с Федей сделали городки и палки, которые у нас под крыльцом лежали до конца существования дома).

Сам он иногда заходил к Брызгалову В<?> В<?>, как наиболее развитому из мужиков.

В нашем доме почти всегда было весело, т<ак> к<ак> самих было много, да приходили девицы и парни гулять. За столом любили шутить, особенно наш отец рассказывал разные смешные истории, бывальщины, а мы — и рады смеяться. Ведь вся семья без всяких дел имеет возможность побыть только за столом.

Один раз, в сочельник крещенский, ели кутью из пшеницы и гороха. (Л. 27 об.). Я не знаю, что загадывали девушки, но они старались «выкрасть» ложку кутьи и положить под мышку, под платье, между рубашками, чтобы никто не заметил. Так вот сестра Шура в один из таких вечеров спрятала кутью в надежде, что никто не заметил, т<ак> к<ак> никто не обратил вниманья, возможно, и в самом деле не заметили. Вдруг Алеша спокойно говорит: «Шурочка, не обожглась?». Все засмеялись, а Шура вышла из-за стола сконфуженная, что ее тайна раскрыта.

По внешнему виду А<лексей> Ганин был среднего роста, коренастый, блондин со светло-голубыми выпуклыми большими глазами, брови белые, носил коротко подстриженные во (Л. 28) лосы. В детстве при споре ребята его ругали: «Сивый». Он отвечал: «Я не сивый, я белый, сивые лошади бывают». Одет всегда аккуратно подтянут.

По характеру Алеша был серьезный, настойчивый, аккуратный, смелый, сильный, обладал силой воли, был трудолюбив, исполнительен. Не терпел расхлябанности, лени, несправедливости, подхалимства. Он всегда смело и прямо, не взирая на личность, горячо отстаивал свои взгляды. Никогда и никого не боялся, говорил в глаза правду, кому угодно. Говорил Алеша не громко, внушительно, но в споре был горяч. При всех своих деловых качествах Алеша любил шутить, быть веселым, добрым. Удивительно он умел сочетать деловитость (Л. 28 об.) и шутки, с большим вниманием относился к людям. Очень любил мать,

приезжая домой, всегда привозил всем гостинцы и хоть небольшие подарки.

Последний раз Алеша со своей семьей приезжал в деревню весной 1923 года и жил дома все лето до осени. Осенью 1923 года уехал в Москву сдавать стихи в печать, хотел поступать в Московский университет, мечтал стать профессором русского языка, но так и не суждено его мечте сбыться.

Стихи в Москве в 1924 г<оду> печатались, но все или нет? Неизвестно, т<ак> к<ак> мы узнали это через 40 лет. Из Москвы он так и не вернулся. Его жизнь оборвалась в 32 года. Жена его — Гильда Даниловна — (Л. 29) жила с дочкой зиму у нас в деревне, а потом уехала к своим родным в Эстонию. Умерла она в 1935 году. Дочь умерла в 1945 году. Похоронены обе в Выру в Эстонии, я была на их могиле.

Уезжая в Москву, Алеша заезжал к себе на квартиру в Вологду, где у него по ул<ице> Мира<...> была комната, в которой долго жила я. Я в это время поступила учиться в педтехникум. Помню, Алеша мне давал советы: *«Не выходи рано замуж, научись хозяйничать, кое-что делать (стирать, готовить), а то моя Галька ничего не умеет делать, мне много приходится делать самому. Ей трудно и с ней трудно»*. Давал советы в учебе, в хозяйстве, какими должен (Л. 29 об.) быть вообще человек и женщина — в частности. Обещал меня взять в Москву, если устроится там. Долго мы ждали, ждали дорогого брата, сына, мужа и отца, да так и не дождалось.

30 марта 1925 г<ода> его настигла трагическая смерть. Его книги, стихи и библиотека бесследно исчезли. В 1937 г<оду> умер отец, мать внезапно продала дом. Книги и рукописи увезли сестры в Шачино и Офимкино. На рукописи, на обратной стороне, ребята сестры Анны писала (делали тетради, т<ак> к<ак> бумаги в войну Отечественную не было). Часть книг, видимо, растеряли, а кое-что было увезено в Шачино, но там сгорело во время пожара дома сестры Шуры. Так его (Л. 30) рукописи и книги не сохранились. Я в те годы жила с семьей далеко и в годы войны было трудно возиться с книгами. Мы не собирались продавать дом.

В одном из стих<отворении> Алеша писал:

*Руке послушен пар и радий и магний
Велик, велик наш день.
О, Золотое завтра,
Кто мог в пути сквозь ночь
Зажечь огни, как мы!*

К великому сожалению, поэту не довелось дожить до «Золотого завтра», о котором он так мечтал.

Мечтал о лучшей жизни и наш отец. Он ждал, что сыновья выучатся и дочь (т<о> е<сть> я — Мария), получит землю и будет жить сыто и весело.

(Л. 30 об.). Отец активно участвовал в демонстрациях, посвященных революции. В февральские дни 1917 г<ода> проходили в селе мощные демонстрации крестьян, наш отец был в первых рядах. Не помню с кем, они в гневе сшибли голову с памятника царю Александру Освободителю. Памятник стоял прямо церкви — большой.

В дни гражданской войны, когда дни были очень трудные, бывало тетя Авдотья говорила отцу: «Только и бегал с флагами-то по селу, сшиб голову царю на памятнике, вот Бог-то и наказал». Отец отвечал: «Ничего, Авдотья Дмитриевна, будет и наше время, будет и на нашей улице праздник». Однако до «большого праздника» не дождались ни отец, ни сыновья.

(Л. 31). Так закончилась их жизнь.

Алексея мечта не осуществилась, то учился, потом война, затем опять учение и постигла смерть, так и не успел поработать в полную меру.

2/III 1979.

М. А. Кондакова

*Публ. по: Сокольская правда. — 1993. — 10–11, 13–14, 17 августа.
Текст воспоминаний дополнен фрагментами рукописи М. А. Кондаковой
из личного архива А. А. Еремеева.*